

Марина ЗУДИНА:

гет. Москва. - 1998. - 2 февр. - с. 6.

Я тигренок, а не киска...

Самая обольстительная актриса 1997 года защищена любовью великого актера

— Признаться, награда за роль Паолы в «Сублимации любви» была для меня неожиданной. Ведь спектакль из разряда тех, какие нравятся зрителям, но ругают критики. Критики хотят видеть глубину, внешняя эффектность их раздражает. Там модная писательница приходит к депутату Леоне. Она ему нравится. Но он старомоден и в основном разговаривает; роман не получается. Комические ситуации строятся на том, что ролями меняются пожилой депутат и молодой драматург. Когда у депутата в ответственный момент ничего не получается, к ней идет драматург. Из тривиального сюжета, по-моему, получился стильный спектакль, жанрово выдержанный, без пошлости. Я люблю эту роль, хотя прагматизм, жесткость героини — не очень мои качества. Мне ближе Джейн в «Старом квартале», которая ищет гармонию среди дисгармонии, где можно играть несовпадение человека с миром, в котором он живет, поиск идеала. Но работа в «Сублимации» была мне полезна, я как актриса обрела свободу, открыла в себе новые свойства...

— **А как играть сексуальность на сцене?**

— Думаю, что секс — это энергетический заряд. Если человек обладает талантом и сильной энергетикой, то они могут сублимироваться и в сексуальность. Хотя, конечно, это — отдельное качество, и человеку, который его лишен, трудно сделать, изобразить, сыграть. В разных спектаклях играешь с разными партнерами, кто-то помогает, добавляет энергии, кто-то забирает. Это ведь чисто физические затраты. Ну а с таким партнером, как мой муж, играть — счастье! Там еще была возможность привнести в материал и долю иронии. Я вот наблюдаю за некоторыми женщинами-актрисами: то, с чем мне приходится сталкиваться, смешно и неловко... и когда дамы все-таки считают себя обольстительными, порой без оснований.

— **А вы считаете себя обольстительной?**

— У меня никогда не было комплексов по поводу себя. По жизни у всех вкусы разные. Так получалось, что я всегда нравилась тем мужчинам, которые нравились мне. Я никогда не ставила целью нравиться всем подряд. Мне это неинтересно.

— **О вас в последнее время много говорят, пишут... Зачастую не как об актрисе, а как о многолетней возлюбленной, теперь жене Табакова. Как вы к этому относитесь?**

— О собственной личной жизни никто никогда не рассказывает всей правды. Как началось, с чего... — на бумаге все выглядит пошлее, чем на самом деле. Мне это мало интересно. Для меня это — не тема... Это моя, только моя жизнь, почему же меня все о ней спрашивают. Здесь у меня всегда все замечательно. Даже если не замечательно, я никогда об этом не расскажу.

— **И все-таки, в вашей жизни, должно быть, многое изменилось с тех пор, как вы из любовницы превратились в жену...**

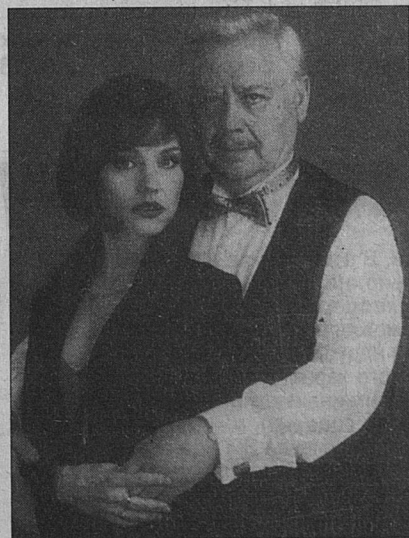
— Ничего не изменилось. Легче стало от того, что сплетни прекратились.

— **А обилие ваших ролей, успешную актерскую карьеру вы не связываете с положением жены руководителя театра?**

— Тут односложного ответа не дашь. У нас — небольшая труппа. И Табаков работает с определенной группой актеров, большинство из которых — его ученики. Мы — отобранные люди. Здесь сопоставимы семейные отношения. Детей не выбирают, а жену выбирают. Также и актеров. И разве не естественно, что если я нравлюсь мужу, то он и роли дает мне тех женщин, которых люблю?! Такое тут совпадение.

— **Наивный вопрос: вы любите работать с Табаковым?**

— Он про себя часто повторяет, что он — не режиссер. Но он подсказывает замечательные актерские приспособления и очень помогает актерам. Я люблю, когда он подсказывает. А когда он показывает, это мешает. Он очень хорошо показывает, и ты понимаешь, что так не сделаешь. Он требователен ко мне. А я, быть может, и пользуюсь личными отношениями, когда больше других задаю вопросов на репетициях, вытаскиваю из него все, что можно, не слезая с него как с режиссера до тех пор, пока все до днышка не пойму, пока родится свое, необходимое роли. Но он, по-моему, любит со мной работать. Я — профессиональный человек. И не люблю, когда актер один спектакль играет гениально, а другой заваливает. И я не играю спектакли одинаково, но провалить не могу.

Время от времени я отрываюсь от блокнота и поглядываю на свою собеседницу. Хрупкая фигурка в черном. Яркая белокурая головка. Пленительно синие глаза в мохнатых ресницах. Очень молодая. Хороша. Элегантна. Женственна. И вместе с тем — ни разу не схитрила, не уклонилась от ответа, логично, ясно мыслит, точно формулирует... В ответах слышится характер, предполагающий волю, мужество... И это очаровательно — «муж». Те же мягкие мяукающие звуки слышала я на последней премьере «Табакерки» — «На всякого мудреца довольно простоты» у Зудиной-Мамаевой: ммилый... ммолодой... может Киска». Нет, скорее, как в детском стишке: «Я тигренок, а не киска...».

— Это мне муж помог, — рассказывает актриса. — Сцена не ладилась. Я мучила его вопросами. Он даже обиделся, когда я сказала: ну построй мне сцену... Неожиданно он предложил: а ты повторяй слова, которые тебе важны. И все пошло, а этот продленный звук родился сам собой... Мне вообще

Минувший год принес Марине Зудиной премию «Чайка» и титул «Самая обольстительная театральная актриса 1997 года». Актриса модного нынче театра «Табакерка», прозванного так по фамилии своего сверхпопулярного руководителя, к тому же — молодая жена Олега Палыча, об их союзе в последнее время, воистину, не писал лишь ленивый. Так что приз, полученный ею «за создание самого сексуального образа» (в спектакле «Сублимация любви»), где в роли продюсера и главного партнера актрисы выступает муж, добавил любопытства к ее персоне. Вспоминаю, как во время одной из встреч со зрителями на вопрос кого-то из любопытных, заданный Табакову, — за что вы любите Зудину? — он сначала как-то по-мальчишески развел руками, а потом сказал: есть за что... Так, за что же достались роли, награды, любовь одного из первых по неписаной иерархии современных мужчин, сплетни, общественный интерес молодой актрисе и молодой жене?

кажется, что Мамаева — самая эротичная из моих героинь. В ней накопилась нереализованная страсть. В нашем решении она на самом деле любит Глумова. И он ее. Он женится, и все равно вернется к Мамаевой. Сколько видела других спектаклей, там их связь невозможна. Да и я сначала не думала, что здесь можно будет сыграть драматическую женскую судьбу, психологические повороты...

— **А мне вспоминаются всплески вашей роскошной юбки с кринолином... словно причудливый павлиний хвост, заполняющий сцену. Как ловко вы с ней управляетесь!**

— Это потому, что я долго занималась балетом и знаю цену пластическому решению.

— **Как Олег Павлович распределяет роли? Участвуете ли вы в этом деликатном процессе?**

— Как правило, нет. Дать мне Мамаеву, к примеру, Олегу Палычу предложила наша завлит. Он ей ответил: молодая, не ее... А потом, видимо, подумал, и в приказе по распределению ролей вдруг смотрел, моя фамилия в списке.

— **Трудно в это поверить!**

— Однажды даже было, что в спектакле «Псих», правда, ввод, роль мне предложила завтруппой по телефону, по его просьбе, конечно. А я ей: объясни ему, мне там нечего играть, и ребенок у меня маленький, и спектакль часто вывозится на гастроли... Так что разговаривали даже через третьи ли-

цо... Конечно, бывает и по-другому. Вот если он будет ставить чеховского «Дядю Ваню», я знаю, что буду играть там Елену Андреевну. Заранее мучаюсь: женщина с «русалочьей кровью», авторская ремарка. Но как можно это сыграть? Это же неинтересно. И у всех актрис она всегда холодна, бестемпераментна. Надо найти ее страсть, ее чувства.

— **А что вы сами хотели бы сыграть?**

— Боюсь говорить о ролях, ведь некоторые можно играть лишь недолгое количество лет. Так что речь может идти о работах, которые еще есть время сыграть. Я, например, всегда мечтала о Луизе в «Коварстве и любви». Но сейчас стал возникать интерес к другим ролям, Наталье Петровны в «Месяце в деревне»...

— **Не рано?**

— Что вы?! Ей по пьесе — до 30. Наша театральная практика состарила многих героинь.

— **Снова про любовь?**

— А чем еще живет женщина?!

— **Что вы думаете о своей роли жены?**

— О! Это очень трудная роль. Хорошо быть любовницей, никаких обязанностей, одни удовольствия. А тут надо быть политиком, обладать терпением, выполнять рутинную работу по дому. Поэтому многие женщины предпочитают сейчас положение одиночек.

— **Вы согласны, что в жизни роли легко меняются? Только что ты была желанна и вдруг превратилась в надоевшую жену, от которой муж убегает... к другой.**

— Женщине не надо задумываться об этом. Иначе она будет несчастной. Но ведь и с женщиной может произойти подобное, и она может увлечься. А мы почему-то по старинке думаем: ах! бедняжка... муж уходит к другой... А может, это вовсе не трагедия — развод... Трагичней жить вместе, ненавидя друг друга. А если женщина не уверена в себе, лучше замуж не выходить, он все равно уйдет... Она не должна разочаровывать мужа и превращаться

в неухоженную домашнюю хозяйку. Она должна знать себе цену. Если она сама ее не знает, никто не будет ее ценить, даже собственный муж. Сейчас времена меняются. Мужчины любят самостоятельных женщин. Мне очень нравится тип женщины, у которой — двое, трое детей, она — красавица и в делах успешна.

— **А как вы сами насчет двоих, троих детей?..**

— У меня же два ребенка. Муж — тоже ребенок. Он по-детски обижается. Я на какой-нибудь прием отказываюсь с ним идти... Надо ребенка укладывать — он и сам его любит, но — дух противоречий. Он, мне кажется, даже к собственному ребенку ревнует. Сейчас не поехала с ним в Японию: надо побыть с сыном, — муж расстроился.

— **А на кого сын похож?**

— Внешне на меня. По характеру — в отца. Как и отец, гулять любит. Начинаем собирать, тут же придумывает: бо-бо, бай-бай. Хитрый в отца... Укладываем спать: хочу кашу! А глаза озорные... Они ведь друг с другом и по гороскопу совпадают: оба Львы и Кабаны. И разделяет их два тридцатилетних цикла.

— **Вы считаете себя счастливым человеком?**

— Мы все, актеры табакерского театра, счастливые люди. Мы защищены его любовью, и заботой, и работой, которая у нас есть. Нам всем интересно друг с другом — это главное. У нас нет отдельных компаний. У меня не было другого театра. Я не знаю, как бы без этого я себя ощущала. Не знаю, осталась ли бы я актрисой. Я привыкла к нашей гармонии, доброжелательности, к талантам, которые меня окружают. Я испорчена, избалована, как мы все в «Табакерке». Мне не хватило бы сил работать в другой обстановке.

— **И все-таки ваше счастье — не только театр?**

— Конечно. Но не надо больше про мою личную жизнь. О ней в последнее время слишком много болтали, злословили, любопытничали. Хватит, ладно?!

Анна КУЗНЕЦОВА